

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111-26

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

**ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКОЙ И
СЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В СОЗНАНИИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ**

А.А. Лиховид

*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
anlikhovid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8945-4436>*

Аннотация. В настоящей статье осуществляется анализ языковых средств, используемых в романе Э. Гаскелл «Север и Юг» при описании городской и сельской местностей. Актуальность исследования обусловливается растущей ролью гендерных исследований в языке, в рамках которых важную значимость приобретает лингвокультурологический анализ гендерных ассоциаций в сознании носителей естественных языков. В основе исследования лежит понимание гендера как бинарного конструкта, актуализирующего оппозиционное восприятие мужественности и женственности. Для сознания Англии Викторианской эпохи оказывается характерно не только бинарное восприятие полоролевых отношений, но и символическая оппозиция городской и сельской местности, сформировавшаяся в результате индустриальной революции. С целью определения ассоциативной связи гендера и городской/сельской среды было отобрано 349 контекстов оригинала, описывающих реалии жизни в одном из пространств. Результат исследования показал, что городская среда в сознании Викторианской эпохи связана с несколькими категориями мужественности, в то время как сельская местность обладает фемининными качествами. Исследование обнаружило деконструкцию некоторых гендерных стереотипов и оппозиций, что свидетельствует о более многоаспектном восприятии гендерных структур, выходящем за рамки двухполярного.

Ключевые слова: гендер; бинарность; мужественность; женственность; Гаскелл; Викторианская эпоха

Для цитирования: Лиховид А.А. Гендерная специфика восприятия городской и сельской среды в сознании Викторианской эпохи. *Казанский лингвистический журнал*. 2024; 7(1): 85–94. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

GENDERED PERCEPTION OF URBAN AND RURAL ENVIRONMENT IN THE CONSCIOUSNESS OF THE VICTORIAN ERA

A.A. Likhovid

*North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
anlikhovid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8945-4436>*

Abstract. This article analyses the language means used in the novel by Elizabeth Gaskell «North and South» when describing urban and rural areas. The relevance of the study is due to the growing role of gender studies in the language, within which the linguoculturological analysis of gender associations in the minds of natural language speakers becomes important. The study is based on the understanding of gender as a binary construct that actualizes the oppositional perception of masculinity and femininity. The consciousness of England in the Victorian era is character-

ized not only by the binary perception of gender-role relations, but also by the symbolic opposition of urban and rural areas, formed as a result of the industrial revolution. In order to determine the associative relationship between gender and the urban/rural environment, 349 original contexts were selected that describe the realities of life in one of the spaces. The result of the study showed that the urban environment in the minds of the Victorian era is associated with several categories of masculinity, while the countryside has feminine qualities. The study revealed the deconstruction of some gender stereotypes and oppositions, which indicates a more multifaceted perception of gender structures that goes beyond the bipolar.

Keywords. Gender; binary; masculinity; femininity; Gaskell; Victorian era

For citation. Likhovid A. A. Gendered Perception of Urban and Rural Environment in the Consciousness of the Victorian Era. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(1): 85–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.1.85-94>

Гендерные исследования в языке приобретают все большую научную значимость, так как позволяют различные аспекты культурных моделей мужественности и женственности, что оказывает влияние на восприятие участниками социума институализированных и иных форм полоролевых отношений. А. В. Кирилина, говоря о перспективах гендерных исследований в языке, отмечает, что гендерная лингвистика нуждается в исследованиях ассоциативных связей, закрепленных за гендером в сознании человека [1, с. 126]. Изучение гендерных ассоциаций на материале художественной литературы позволяет изучить, каким образом гендерные ассоциации выражены в тексте оригинала как лингвистической материализации языковой личности автора, который может рассматриваться и как индивидуальный пользователь языка, и как носитель коллективного культурно-языкового сознания, выраженного в определенном дискурсе [2, с. 660]. Языковая личность автора при этом может трактоваться как зафиксированный в лексической системе языка обобщенный прототип носителя, формируемый из «мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре» [3, с. 206].

Интерес к исследованию романа Элизабет Гаскелл «Север и Юг» объясняется не только недавним представлением русскоязычного варианта романа отечественному читателю (первая версия перевода была выпущена в 2011 году). Э. Гаскелл зачастую оказывается в центре исследовательского внимания ввиду ее интереса к социальным и политическим аспектам жизни общества, а

также благодаря динамичному подходу к гендерной политике, обуславливающему новаторское для той эпохи понимание гендерных ролей и стереотипов. Рассматриваемое произведение трактуется как семиотическое единство авторской интенции и объективной действительности, «системного и индивидуального» [4, с. 49]. Актуальность исследования также подтверждается активным развитием лингвокультурологического направления гендерных исследований, направленных на изучение стереотипов маскулинности и фемининности в разных лингвокультурах, особенностей гендерных асимметрий и метафор [5, с. 78]. «Север и Юг» был впервые опубликован в 1855 году, и представляет собой социальный комментарий к суровым реалиям промышленной революции и напряженности между различными классами и регионами викторианской Англии. В наших рассуждениях мы исходим из признания «текстообразующей функции не только персонажа как базовой категории и эстетического центра моделируемого мира, но и таких универсалий, как время и пространство, формирующих среду его обитания» [6, с. 138].

Настоящее исследование анализирует лингвистические средства репрезентации географических пространств севера (Милтон) и юга (Хелстон) Англии в романе Элизабет Гаскелл «Север и Юг» [7]. Исходя из понимания оппозиционных отношений фемининности и маскулинности, настоящая работа считает описание Милтона и Хелстона в романе гендерно окрашенным, трактуя их как одну из форм гендерных ассоциаций в англоязычном сознании. В ходе исследования было проанализировано 349 контекстов оригинала, в числе которых 208 контекстов коррелируют с Милтоном/севером, 141 контекст соотносится к Хелстоном/югом. В ходе исследования методом сплошной выборки были отобраны 130 языковых единиц, использованных при описании городской или сельской местности, уклада жизни или особенностей мировоззрения жителей.

Как отмечает Джил Конвей, изучение того, что представляет собой гендер, имеет огромный потенциал для понимания того, каким образом работают различные социальные и культурные системы [8, с. xxix]. Данные системы,

прямо или опосредованно, создают гендерные структуры, которые, вне зависимости от эпохи, представляют собой бинарные конструкты, функционирование которых определяется противопоставлением мужского и женского, фемининного и маскулинного [9, с. 24]. Даже если символические ассоциации каждого гендера могут со временем изменяться, они практически всегда и во все эпохи, базируются на противопоставлении маскулинного и фемининного, индивидуализма и заботы, искусственно сконструированного и естественно репродуктивного, науки и природы, капиталистического производства и заботы/ухода, эксплуатации и сохранения, политического и домашнего, публичного и частного [8, с. xxix]. В сознании большого количества носителей разных лингвокультур наблюдается определенная дифференциация гендерных представлений по половому признаку, однако граница между гендерами не всегда является четко очерченной. Так, О. Г. Лопухова отмечает, что с маскулинностью ассоциируются такие понятия и качества, как сильная личность, напористость, способность и готовность руководить, доминирование, сила, смелость, выносливость, активность, целеустремленность, продуманность. С женственностью часто связывают уступчивость, стеснительность, мягкость в высказываниях, стремление утешить, детскую непосредственность, сострадательность, склонность к проявлению чувств [10]. А. В. Опарина говорит о том, что в любой мифологической картине мира присутствует ряд бинарных и/или полярных оппозиций, где левый член каждой оппозиции приписывается мужественности, а правый – женственности: верх/низ, свет/тьма, правое/левое, активность/пассивность, рациональность/иррациональность, логика/эмоции, дух/материя, содержание/форма, власть/подчинение [11]. Приведенные выше пары оппозиций применимы именно к категориям мужественности и женственности как к категориям гендерным и, соответственно, культурно и социологически сконструированным. Ни мужественность, ни женственность не являются абсолютно тождественными биологическим понятиям мужского и женского пола, хотя они часто оказываются приписываемыми друг другу.

Истоки подобного противопоставления можно проследить и в Англии XIX века, где общество во многом основывалось на разграничении гендерных ролей между мужчинами и женщинами. Мария Фроули отмечает, что во многих работах продвигалась идея о самоотречении как одном из постулатов женственности, вкупе с аккуратностью в формулировках, стремлением сгладить болезненные или неприятные ощущения в общении. Огромная роль отводилась роли женщины как создательнице умиротворённой атмосферы в доме, заботящейся о муже и детях [12, с. 433-434]. Мужественность определялась моральными и этическими компонентами образа джентльмена, которые являются не менее ограничительными, чем выдвигаемые социальной идеологией требования к женственности [12, с. 437].

Вместе с тем, уже упомянутая полярность характерна не только для восприятия гендера в Викторианскую эпоху. Благодаря индустриальной революции и активному развитию железных дорог, большие урбанистические центры как Лондон, Манчестер и Бирмингем агрессивно и стремительно трансформировались под влиянием новых технологий. Мария Фроули, анализируя восприятие городских и сельских ландшафтов в Викторианскую эпоху, пишет следующее: «Сельская местность и город находятся в символической оппозиции по отношению друг к другу, обозначая разными способами, невинность и опыт, естественное и неестественное, неизменное и преходящее» [12, с. 420]. Подобное описание дает основание предположить, что механизмы восприятия городской и сельской среды во многом схожи с полярным пониманием гендера, в результате чего настоящее исследование склонно проводить параллель между маскулинностью и городской средой, женственностью и сельской/провинциальной средой, таким образом интерпретируя географические пространства как ассоциативно связанные с гендером.

Для описания городской среды (в романе отождествленной с Севером) в тексте оригинала были использованы следующие существительные: *chimneys, dirt, tenants, houses, mills, more iron, less wood, smoke, a loss of fragrance of grass*

and herbage, van, waggon, truck, cotton, office, warehouse, energy, difficulties, power of machinery, much spirit, fogs, nerves, haste, bustle, speed, not a place for cowards, depression, worry of spirits, struggle, materials for life, enjoyment of the power and influence, hurry to get rich, money, tension of mind, business. Проанализированные контексты показали применение следующих прилагательных: *manufacturing, bustling, immense difficulties, bleak, smoky air, everything was purpose-like, a busy mind, lead-coloured, long, straight, hopeless streets, busy bustling space, long dusky streets, weary, tired, brave heart, hard to be patient and calm, busy for quiet speech, present and actual.* На уровне глаголов было отмечено употребление следующих глаголов и их производных: *energy which conquered, the nerves are quickened, everybody rushing.*

Многие из описанных лексических единиц могут отнесены к сферам/качествам/свойствам, приписываемым мужественности. К сфере капиталистического производства можно отнести следующие языковые средства, использованные в романе для описания городской среды: *van, waggon, truck, cotton, office, warehouse, tenants, houses, mills, power of machinery, business, manufacturing.* К маскулинной категории искусственно сконструированного можно отнести такие лексические единицы, как *more iron, less wood, loss of fragrance of grass and herbage, purpose-like, lead-coloured, long, straight streets.* Как манифестацию активности можно определить такие слова, как *energy, bustle, speed, haste, hurry, busy, bustling, quickened, rushing.* К категориям власти и желания руководить можно приписать *enjoyment of power and influence, conquered.* Иногда наблюдается антонимическое описание города, то есть маскулинность в данном случае выражается через оппозицию к категориям женственности. Примером может выступать *a loss of fragrance of grass and herbage*, где городская среда описывается через отсутствие свойств, присущих сельской местности и подпадающих под фемининную категорию природы. Другим примером может служить выражение *not a place for cowards*, которое конструирует маскулинный образ жителя городской среды как оплота духовности и морали.

Часто при описании городской среды задействована лексика с негативной эмоционально-оценочной коннотацией, используемая для описания подавленного эмоционального состояния: *difficulties, nerves, haste, depression, worry of spirits, tension of mind, struggle, bleak, hopeless, weary, tired*. На первый взгляд, подобное описание вступает в конфликт с идеализацией маскулинности как оплота морали и духовности. Вместе с тем, для Викторианского общества было характерно определённое противостояние конструкту маскулинности. Многие писатели викторианской эпохи в дневниках отмечали различные расстройства нервной системы, тяжелые последствия от избыточного объема работы и переутомление, выливающееся в протрацию и пассивность, состояния, «опасно близкие к женскому» [12, с. 437]. Использование лексики с негативной коннотацией, таким образом, отражает негативные стороны агрессивно маскулинной среды городских ландшафтов.

Для описания сельской среды (в романе отождествлённой с Югом) в романе были использованы следующие существительные: *forest trees, light, sunshine, herbs, common, cottages, roses, tale, shade of rest, lark, brook, sunlight, dullness, sweet profusion, ease, solitude, fields, childlike softness, golden stillness, visit, liberty, Odenwald*. В числе употребленных прилагательных можно отметить следующие: *dark, full, dusky green, broodingly still, warm, wild, free, living creatures, beautiful, broad, upland, sun-streaked, cloud shadowed common, beloved place, delicious air, quiet life, careless, slow, pleasant place, little, hidden, tinkling brook, spiritless, down-trodded men, hard to be active and equal to unwanted emergencies, childlike softness, golden stillness, friendly, stagnant, an interchange visit, picturesque*. В случае с описанием южной сельской местности заметно отсутствуют обозначающие действия глагольные номинации, а портретирование местности осуществляется преимущественно при помощи номинативных и описательных средств. Это можно объяснить статичной, нединамичной природой юга и его большей пассивностью по сравнению с севером, что вписывается в интерпретацию сельской местности как фемининной. Кроме этого, как ассо-

циативно связанные с пассивностью как фемининной чертой можно интерпретировать эмоционально-оценочные прилагательные *stagnant, spiritless, downtrodden*, а также антонимическое описание *hard to be active and equal to unwanted emergencies*. Большое число языковых средств занимает лексика, относящаяся к категории природы, в том числе и напрямую описывающая природу сельской местности: *forest trees, light sunshine, herbs, rose, lark, brook, sunlight, fields, dusky green, living creatures, sun-streaked, cloud shadowed, tinkling*. Данную категорию можно также трактовать как ассоциативно связанную с категорией естественно репродуктивного. Отмечается определенная инфантилизация, конструируемая посредством использования таких языковых единиц, как *childlike softness, careless, ease*. К сфере заботы и ухода/отдыха можно отнести применение таких единиц как *shade of rest, stillness, beloved place, quiet, pleasant place*.

Сравнительно-сопоставительный анализ также показал, что изученные языковые единицы коррелируют с категориями мужественности и женственности и могут быть организованы в бинарные/оппозиционные пары: *haste/stillness, much spirit/spiritless, energy/stagnation, difficulties/ease, active and equal to emergencies/patient and calm, purpose-like/careless, bustling/slow*. Подобная дихотомия создает бинарную систему восприятия географических пространств, следовательно, в англоязычном сознании город и сельская местность оказываются ассоциативно связанными с двухполярной моделью гендера. Город соотносится с маскулинностью через категории капиталистического производства, искусственно сконструированного, активности, власти, духовности. Сельская местность соотносима с фемининностью через категории пассивности, природы, естественно репродуктивного, детской непосредственности и ухода/отдыха. Вместе с тем, анализ вышеприведенных лексических средств деконструирует бинарность гендера в отношении оппозиции свет/тьма. При описании юга в романе используются лексические средства, репрезентирующие обилие солнечного света: *sunlight, sunshine, sun-streaked, golden*. Городская среда же представлена как лишенная солнечного света и покрытая смогом: *smoke, fog, dusky*. Дан-

ные наблюдения позволяют констатировать, что восприятие конструктов маскулинности и фемининности в англоязычном сознании Викторианской эпохи может выходить за рамки исключительно бинарного восприятия.

Список литературы

1. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия. *Вопросы психолингвистики*. 2020;3(49):109–147. DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147
2. Лиховид А.А. О сложностях художественного перевода: на грани между творческим переосмыслением и переводческой ошибкой. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2022;9(4):659–666. DOI 10.37493/2409-1030.2022.4.18
3. Катермина В.В. Языковая личность автора в художественном тексте. *Человек. Культура. Образование*. 2016;1(19):205–213.
4. Серебрякова С.В., Милостивая А.И. Семантическая эмерджентность как переводческая проблема. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2017;16(3):48–57.
5. Дежина Т.П. Этапы становления концепта «гендер» в зарубежной и отечественной лингвистике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017;4(70):76–79.
6. Серебрякова С.В. Теория когнитивного диссонанса как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018;1:137–143.
7. Gaskell E.C. *North and South*. Wordsworth Editions Limited; 1994.
8. Conway J.K., Bourque S.C., Scott J.W. Introduction: the concept of gender. *Daedalus*. 1987;4(116).
9. Гриценко Е.С., Сергеева М.В. Современные тенденции в концептуализации гендера и их отражение в современной британской толковой лексикографии. *Вопросы лексикографии*. 2020;18:22–47. DOI 10.17223/22274200/18/2
10. Лопухова О.Г. Общие и культурно-специфические особенности содержания гендерных представлений в современном сознании. *Вестник ТГГПУ*. 2010;1(19).
11. Опарина А.В. Вопросы гендерологии. Мужественность и женственность как культурные концепты гендерной лингвистики. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2011;7.
12. Frawley M. The Victorian Age, 1832-1901. *English Literature in Context*. Edited by P. Poplawski. Cambridge University Press; 2017. P. 364–469.

References

1. Kirilina A.V. Gender and gender linguistics at the border of the millennium. *Journal of Psycholinguistics*. 2021;3(49):109–147. DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147 (In Russ.)
2. Likhovid A.A. On the difficulties of literary translation: on the verge between creative rethinking and translation errors. *Humanities and law research*. 2022; 9(4):659–666. DOI 10.37493/2409-1030.2022.4.18 (In Russ.)
3. Katermina V.V. Language personality of an author in a literary text. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2016;1(19):205–213. (In Russ.)
4. Serebryakova S.V., Milostivaya A.I. Semantic emergence as a translation problem. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. 2017;16(3):48–57. (In Russ.)
5. Dezhina T.P. Stages of formation of the concept “gender” in foreign and Russian linguistics. *Philology. Theory and Practice*. 2017;4(70):76–79.
6. Serebryakova S.V. Cognitive dissonance theory as interpretation framework for interpersonal relations of characters. *Issues of cognitive linguistics*. 2018;1:137–143. (In Russ.)

7. Gaskell E.C. *North and South*. Wordsworth Editions Limited; 1994.
8. Conway J.K., Bourque S.C., Scott J.W. Introduction: the concept of gender. *Daedalus*. 1987;4(116).
9. Gritsenko E.S., Sergeyeva M.V. Current trends in gender conceptualization and their reflection in English learner's dictionaries. *Voprosy leksikografii*. 2020;18:22–47. DOI 10.17223/22274200/18/2 (In Russ.)
10. Lopukhova O.G. Common and cultural specific features of the content of gender images in modern conscience. *Vestnik TGGPU*. 2010;1(19). (In Russ.)
11. Oparina A.V. Issues of the science of gender. Manliness and femininity as cultural concepts of gender linguistics. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2011;7. (In Russ.)
12. Frawley M. The Victorian Age, 1832-1901. *English Literature in Context*. Edited by P. Poplawski. Cambridge University Press; 2017. P. 364–469.

Автор публикации

Лиховид Ангелина Андреевна –
Ассистент кафедры теории и практики перевода
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: anlikhovid@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8945-4436>

Author of the publication

Likhovid Angelina Andreevna –
teaching assistant of the Department of Translation
Studies
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: anlikhovid@mail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8945-4436>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.06.2023
Одобрена после рецензирования: 30.09.2023
Принята к публикации: 5.10.2023

Article info

Submitted: 16.06.2023
Approved after peer reviewing: 30.09.2023
Accepted for publication: 5.10.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.